

УДК 172.4+327

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.066

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Д.Ф. Алиев

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
г. Москва

Определяется, что сущностное понимание гибридной войны обусловлено терминологическим плюрализмом социологии, политологии, юриспруденции, а также динамичностью генезиса самого явления «гибридная война» как субъективно управляемого процесса неотделимой части системной реализации функций государства во внутренней, внешней и глобальной политике. Автором дается системная характеристика основных функций государства. Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» раскрывается через призму государственной политики, которая рассматривается как форма управления общественными процессами, включающая в себя основанную на стратегических целях и главенствующей идеологии систему отношений разнокачественного порядка между властвующими субъектами и обществом. Война понимается как обусловленное идеологическими, социокультурными и экономическими факторами вооруженное противостояние между сторонами, направленное на реализацию их политических целей. Автором формулируется определение гибридной войны как силового средства достижения целей внутренней, внешней и глобальной политики. Выделяются системные обобщенные признаки войны и гибридной войны, дается их развернутая характеристика в политическом, социальном и юридическом контекстах. Признаками гибридной войны являются: интегративный подход в применении средств воздействия сторонами конфликта; вариационность участия сторон в конфликте; преобладание применения невоенных компонентов обусловленных развитием современной информационной миросистемы, которая усиливает возможность психологического воздействия на человека, позволяя эффективно осуществлять управленческое воздействие посредством манипуляции его сознанием; форматы ведения гибридной войны находятся вне рамок правового регулирования. Автор делает вывод, что в современной миросистеме гибридная война является силовым средством управления общественными процессами военного и невоенного характера, а субъекты боевых действий подлежат расширенному пониманию.

Ключевые слова: *государство, политика, власть, идеология, война, гибридная и информационная война, вариационность, юридическая форма, правовое поле.*

В научной литературе, публицистике и различных средствах массовой информации о гибридных войнах начали говорить относительно недавно. Понимание их сущностного содержания в дискуссионном научном поле неоднозначно, что обусловлено как терминологическим плюрализмом социологии, политологии и юриспруденции, так и динамичностью генезиса самого явления «гибридная война» как субъективно управляемого процесса неотделимой части системной реализации функций государства во внутренней, внешней и глобальной политике (т. е. определенной конкретными целями внутригосударственного, международного и глобального уровня). В протекающих процессах глобализации сущностное понимание направлений деятельности органов государственной власти требует комплексного подхода. В действительности с учетом социальной, правовой и культурной интеграции функции государства представляют взаимосвязанную между собой и направленную на определенные сферы общества деятельность органов власти.

Внутренняя, внешняя и глобальная политика в экономике отражает степень и качество участия государства в экономических процессах и уровне влияния на них. Например, начиная с 2002 г. на основании положений Основного Закона страны [4] Центральный банк России монополично осуществляет «эмиссию наличных денег и организует наличное денежное обращение» [13]. Как известно сегодня политика Банка России зависит и проходит в «коридоре» экономических тенденций, определяемых ФРС США и Международным валютным фондом. Т. е. принимаемые в ЦБ России решения в управлении кредитно-финансовой системой (например, повышение курса валют, ставок кредитования в период проведения специальной военной операции) могут оказать негативное воздействие на социально-политическую ситуацию в стране.

Деятельность государства в политической сфере общества должна в полной мере обеспечивать функционирование органов власти федерального, регионального и местного уровней.

Реализация социальной функции ведется через систему общественных институтов (здравоохранения, пенсионного обеспечения, социальной защиты и т. д.) и проявляется в обеспечении необходимого уровня жизни граждан, в заботе о слабозащищенных слоях населения.

Политика в сфере культуры и образования представляет собой процесс управления государственными, образовательными и культурными институтами, обеспечивающий развитие в сознании человека принципов и стереотипов верного восприятия окружающего мира, развитие чувства патриотизма, национального и гражданского долга. Отметим, что в 2020 г. властью при участии российского общества законодательно закреплены базовые принципы традиционной семьи, защита исторической правды, суверенитет государства [4]. Однако реализация данных положений представляет собой сложный политический и социальный процесс внутригосу-

дарственного и международного уровней, включающий использование силовых средств и методов.

Реализация правоохранительной и военной функций представляет собой комплексную деятельность государственных органов по защите населения от внешних и внутренних угроз. А в сегодняшней исторической реальности –непрекращающемся для нашей страны гибридном противостоянии различного уровня и характера.

Для определения понятия «гибридные войны» необходимо учесть методологическое правило, заключающееся в том, что «смысловая нагрузка формулирования дефиниции всегда состоит в раскрытии ее трех элементов (или ответов на вопросы): сущность (что это?); предназначение (для чего это?); признаки (какое это?)» [9, с. 34].

Для ответа на поставленные вопросы необходимо рассмотреть системные характеристики базового понятия «война», т. к. в современной реальности ведение боевых действий является средством достижения социальных, политических и экономических целей государства как субъекта управления общественными процессами, и заинтересованными элитарными социальными группами.

Понимание сущности такого явления как война раскрывается через призму управленческих процессов в реализации глобальной, внешней и внутренней политики в условиях глобализации. Под последней понимается обусловленное объективной природной инвариантностью [10, с. 145] цивилизационное развитие в целом и сосуществование социокультурных и экономических систем [7, с. 446]. А любой процесс (в том числе и объективный) всегда управляется субъективно. В данной сложной системе управления государства в лице конкретных органов власти и должностных лиц «геополитические игроки» одновременно могут являться и объектом, и субъектом управления. Общество в целом и отдельные народы – объектом управления.

Под политикой в современной науке понимается «одна форм деятельности по управлению общественными отношениями и связями, возникающими между людьми в процессе создания материальных и духовных ценностей» [6, с. 422], которая включает в себя основанную на стратегических целях и главенствующей идеологии систему отношений разнокачественного порядка между властвующими субъектами, обществом, отдельными социальными группами и человеком. Идеология в совокупности с оглашаемыми причинами военного конфликта формирует социально-психологический стереотип восприятия обществом необходимости ведения боевых действий государством, т. е. понимание сущности войны как таковой. Причины могут быть различными: защита национальной и культурной идентичности, базовых социальных и правовых ценностей, суверенитета как свойства государства, «в котором отражаются верховенство и независимость, целостность и исключительность» [8, с. 458], определяющие реальную возможность реализовать в полном объеме государствен-

ными органами власти социальное управление, как предписывают объективная жизненная необходимость существования общества, его отдельных групп, человека и действующие нормы международного и национального права.

Приобретение национального, социального и экономического суверенитета – глобальная стратегическая цель государства в интересах всего общества, реализуемая посредством внутренней, внешней и глобальной политики, которые между собой взаимосвязаны многоуровневой системой социально-экономических отношений как внутри страны, так и за ее пределами. Причем «успешное осуществление внутренней и внешней политики обусловлено их соответствием вектору цели глобальной политики, определенной по целям, путям и средствам их достижения» [7, с. 446].

Таким образом, многоаспектность сущностного содержания войны как продолжения «политики с привлечением иных средств» [3, с. 131] следует рассматривать в субъективном и объективном измерениях. Под первым предполагается понимать юридически закрепленное в нормах международного права желание сторон вести боевые действия против друг друга, которые должны начинаться с акта объявления войны, разрыва дипломатических отношений, что в современной реальности наблюдается не так часто [11]. Ко второму следует относить социальные, политические, идеологические и экономические параметры, выступающие поводами, основаниями и детерминантами вооруженного конфликта, т. е. война в контексте управления социальными процессами является силовым средством достижения интересов государства, властвующих элит и общества.

Действующие нормы международного права запрещают ведение агрессивных войн, под которыми понимается «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности и политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН» [12]. Но из анализа Устава ООН видно, что в правовом поле вполне допустима «организованная вооруженная борьба между суверенными государствами», проводимая в рамках обороны от агрессии, приобретения национальной независимости и т. д. [12] Исключительно юридически формализованное понимание войны является недостаточным и приводит к системным ошибкам при определении ее причин и страны агрессора, возможности информационной спекуляции непрямыми акторами конфликта для реализации своих стратегических целей, применения политики «двойных стандартов» при обосновании законности ведения боевых действий субъектами международного права в зависимости от их роли в глобальной политике.

В современной политико-правовой реальности содержание военного конфликта, его сущность, цели и способы ведения боевых действий обусловлены динамикой общественно-экономических процессов. Сегодня в системе международных отношений война представляется в виде постоянно трансформирующегося комплекса боевых и информационных

средств достижения политического, социального и экономического превосходства, установления типа правоотношений, позволяющего достичь вполне «законным» способом стратегических интересов.

Необходимо отметить, что понятия «вооруженный конфликт» и «война» разнокачественные по своему содержанию. Первое «охватывает любую ситуацию, независимо от ее правовой квалификации, в которой две стороны противостоят друг другу с оружием в руках» [5, с. 240]. Сам термин «вооруженный конфликт» стал применяться гораздо позже, чем «война», только лишь во второй половине XX в. Действующие юридические нормы определяет только лишь допустимость или недопустимость ведения боевых действий, формализуют средства и пределы разрешения конфликта [10, с. 873–874].

Вышеупомянутые понятия не имеют четкого законодательного разграничения. Можно однозначно утверждать, что используемое для определения сферы действия норм международного гуманитарного права в ходе ведения боевых действий понятие «война» представляется весьма ограниченным и требует дополнительных системных характеристик.

По окончании Второй мировой войны 1939–1945 гг. в Женевской конвенции 1949 г. о защите жертв войны впервые употребляется понятие «вооруженный конфликт», охватывающий не только ситуации непосредственного прямого боестолкновения сторон и его последствия. Статья 2 гласит, что положения вышеупомянутой конвенции будут «применяться в случае объявленной войны или всякого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны» [2].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать промежуточный вывод о том, что юридические критерии понятие «война» делают несколько уже, чем «вооруженный конфликт». Введение конвенцией данного семантического дополнения предполагало создание более эффективного юридического инструмента правового регулирования. С одной стороны, была задекларирована возможность применения норм международного права вне субъективных характеристик войны и привязке к таковой противостоящих сторон. В то же самое время юридический формализм позволяет спекулятивно в угоду интересам «закулисных» акторов давать оценку действиям воюющих сторон. Следовательно, война является одной из форм вооруженного конфликта, а сам термин «вооруженный конфликт» является родовым понятием. Однако это исключительно правовая оценка трансформирующегося многоуровневого политического процесса, дающая характеристику его внешней формы, отличающейся от внутреннего субъективно информационно созданного содержания. Дефиниция «война» в обязательном порядке должна иметь юридическую форму, созданную на основе системного анализа данного явления, т. к. в современной исторической реальности война, с точки зрения автора, представляет собой не толь-

ко прямые боевые действия между двумя сторонами в едином временном поле, но может иметь вид объединенных единой глобальной целью совокупности вооруженных конфликтов на различных территориях и на протяжении длительного промежутка времени.

Автором предлагается понимать под войной обусловленное идеологическими, социокультурными и экономическими факторами вооруженное противостояние между сторонами, направленное на реализацию их политических целей.

Следует выделить следующие обобщенные системные характеристики войны как силового средства достижения целей политики:

1. Наличие идеологического и социокультурного обоснования ведения вооруженного конфликта необходимо для поддержки населением страны государственных органов власти, армии в период ведения боевых действий, формирования боевого духа бойцов, мобилизации внутренних психологических резервов общества.

2. Состояние экономики должно давать возможность государству вести боевые действия длительный промежуток времени с минимальным уроном для всей системы общественных отношений. И при необходимости (например, война продолжается длительный промежуток времени) органы государственной власти должны иметь возможность в кратчайший срок переориентации функционирования экономических институтов в условиях военного времени.

3. В вооруженном противостоянии всегда предполагается наличие сторон – субъектов боевых действий. Таковые, как правило, являются коллективными (исторических примеров предостаточно, например, антигитлеровский союз). Следует отметить, что субъектов (стороны) боевых действий нужно разделить на две группы: к первой относятся непосредственно воюющие страны, напрямую обозначившие свои политические цели; ко второй необходимо отнести всех акторов конфликта, осуществляющих экономическую и социальную поддержку любой из сторон, помощь вооружением, людскими ресурсами, преследующих свои политические цели по умолчанию.

4. Ведение войны всегда предполагает реализацию многоуровневых интересов одной из сторон (защита страны от агрессора, захват территорий, установление экономической и политической зависимости, приобретение национального и государственного суверенитета, получение выгоды от производства и продажи вооружений и т. д.).

Современное военное столкновение, являющееся предметом международного права, можно определить, как «конвенциональная война». Данная формулировка широко используется в философии политики и научных дискуссиях в СМИ по геополитической и военной тематике. Анализ причин, условий и результатов ведения боевых действий в мире за последние четверть века, роли субъектов прямых участников конфликта и акторов, стоящих «за спиной» воюющих сторон, требует включения госу-

дарствами в свою стратегию ведения войны новых невоенных компонентов. Тем самым мотивируя политическую науку наделять понятие «война» новыми сущностными системными характеристиками.

Кроме того, следует заметить, что трансформация военных действий отразилась на целеполагании функционирования института военной дипломатии, как части совокупного субъекта непрямого участника боевых действий. Дипломатические переговоры, с одной стороны, направлены на поиск компромисса в прекращении и урегулировании конфликта, с другой стороны, дипломатией каждой сторон применяется комплексное информационное воздействие на оппонентов, направленное на достижение своих стратегических целей (включая интересы и других участников переговоров), что обусловлено возможностью отдельных государств и негосударственных субъектов международной политики влиять на начало, ход и прекращение военных действий, наличием и способностью применения социально-политических и психологических техник, позволяющих подавлять волю противника, приобретать союзников и, что немаловажно, влиять на сознание, изменять ценностные установки и «культурные коды» населения других стран в своих целях.

Проведение специальной военной операции на территории России наглядно показывает, что вооруженное противостояние между нашей страной и режимом Украины сочетает в себе огромное количество компонентов и технологий военного и информационного характера. И только надделение понятия «война» новыми сущностными характеристиками позволяет точно оценить суть происходящих событий непосредственно на фронте и действия сторонников киевского режима, являющихся противниками России в этом конфликте.

Таким образом, практически ко всем войнам XXI в. применима характеристика гибридная, т. е. сочетающая в себе разнородные по своей сути компоненты.

Автором термина «гибридная война» считается полковник морской пехоты США, научный сотрудник Военно-морского института, аналитик и консультант по вопросам национальной безопасности Фрэнк Хоффман. В адаптированном переводе под гибридной войной Ф. Хоффман понимает «смесь конвенциональной войны, партизанских действий и кибервойны с агрессивным информационным обеспечением, дипломатическим давлением, законотворческой поддержкой и вмешательством в политическое устройство угрожаемых обществ» [15]. Из анализа данного определения видно, что западная наука рассматривает войну исключительно как метод (совокупность военных, социальных, экономических и информационных приемов и способов) достижения политических целей в отношении внешних угроз.

Гибридная война переводит ход ведения боевых действий между прямыми участниками столкновения в плоскость нелинейной парадигмы ведения войны с целью подавления противника путем разрушения обще-

ственных, культурно-образовательных, экономических и государственных институтов, манипуляции сознанием населения через средства массовой информации, разжигания расовой и национальной розни, классовой вражды.

Рассмотрим ее системные характеристики.

1. Интегративный подход в применении средств воздействия сторонами конфликта. К ним следует отнести как традиционные технологии конвенциональной войны в виде применения регулярных армий и типового вооружения, так и не конвенциональные: применение частных военных компаний, диверсионно-террористических групп и партизанских отрядов, экономических, политических способов противостояния, методов информационной войны и войны в киберпространстве, организация цветных революций [1, с. 5–15].

2. Вариационность участия сторон в конфликте. Данная черта гибридной войны является одной из ключевых, т. к. зачастую роль скрытых акторов в непосредственном боестолкновении не видна, т. е. война может протекать в открытом (непосредственное ведение боевых действий, направление частных военных компаний, открытое финансирование и т. д.) и закрытом (использование сторон линейного вооруженного конфликта другими субъектами для достижения своих целей, спонсирование и ведение информационного противостояния, многовекторное участие спецслужб, подрыв основ государственного строя различными способами экономического, политического и религиозно-культурного воздействия в обход сознания гражданского населения) форматах.

3. Преобладание применения невоенных компонентов в противостоянии сторон. Несмотря на то, что гибридные технологии встречались в войнах прошлых веков, но масштабный характер их применения проявляется только в XX–XXI вв. В современной войне битвы ведутся не только на физическом поле боя, а в большей части – на метафизическом уровне. Информационному воздействию подвергаются как солдаты воюющих армий, так и общества сторон конфликта. Современная информационная мир-система усиливает возможность психологического воздействия на человека, позволяя эффективно осуществлять управленческое воздействие посредством манипуляции его сознанием [1, с. 5–15].

4. Форматы ведения гибридной войны находятся вне рамок правового регулирования, т. е. применение сторонами невоенных и отчасти военных методов в противостоянии не урегулировано ни нормами международного права, ни национальным правом, что дает возможность вполне на «законных» основаниях нелегальным участникам боевых действий использовать все возможные силы и средства ведения войны, а также достигать поставленных целей без открытого военного вмешательства.

Таким образом, под гибридной войной следует понимать находящееся вне правового поля противостояние с применением военных и невоенных технологий многосубъектными сторонами, направленное на реализацию интересов их внутренней, внешней и глобальной политики.

Список литературы

1. Алиев Д.Ф., Тафинцев Д.В., Хазин А.Л. Гибридная война: в 2 т. М.: Издательство РГСУ, 2023. Т. 1. 316 с.
2. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. [Электронный ресурс]. URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967408%40egNPA (дата обращения: 01.08.2023).
3. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 861 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.08.2023).
5. Кувырченкова Т.В. К понятию вооруженных конфликтов: проблемы определения // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 4. С. 240–246.
6. Кузнецов В.Г. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2005. 731 с.
7. Лановой В.Г. Государство и его суверенитет в условиях процесса глобализации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 446–449.
8. Лановой В.Г. Правовая политика как элемент социального управления // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11 (162). С. 458–460.
9. Лановой В.Г. Системный подход к типологии государств. М.: Из-во: КноРус, 2021. 136 с.
10. Международное право / под ред. В.Г. Витцума. М.; Берлин: Инфротопик Медиа, 2011. 961 с.
11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 от 14 декабря 1974 г. Ст.1 // [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2541110/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 01.08.2023).
12. Устав ООН. [Электронный ресурс] // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102010084&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения 01.08.2023).
13. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 05.08.2023).
14. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя; 3-е изд. М.: Политиздат, 1972. 496 с.
15. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Conflict_in_the_21st_Century.html?id=Ojg3OAAACAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 05.08.2023).

HYBRID WAR: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

D.F. Aliyev

Russian State Social University, Moscow

The article determines that the essential understanding of hybrid warfare is due to the terminological pluralism of sociology, political science, jurisprudence, as well as the dynamism of the genesis of the phenomenon of «hybrid warfare» as a subjectively controlled process of an inseparable part of the systemic implementation of state functions in domestic, foreign and global politics. The author gives a systematic description of the main functions of the state. The correlation between the concepts of «war» and «armed conflict» is revealed through the prism of state policy, which is considered as a form of management of social processes, which includes a system of relations of different quality between the ruling subjects and society based on strategic goals and the dominant ideology. The war is understood as an armed confrontation between the parties caused by ideological, socio-cultural and economic factors, aimed at the realization of their political goals. The author formulates the definition of hybrid warfare as a means of force to achieve the goals of domestic, foreign and global policy. The system generalized signs of war and hybrid war are distinguished, their detailed characteristics in political, social and legal contexts are given. The signs of hybrid warfare are: an integrative approach in the use of means of influence by the parties to the conflict; the variability of the parties' participation in the conflict; the predominance of the use of non-military components due to the development of the modern information world system, which enhances the possibility of psychological impact on a person, allowing effective management influence through manipulation of his consciousness; hybrid warfare formats are outside the framework of legal regulation. The author concludes that in the modern world system, hybrid warfare is a forceful means of controlling social processes of a military and non-military nature, and the subjects of hostilities are subject to an expanded understanding.

Keywords: *state, politics, power, ideology, war, hybrid and information warfare, variation, legal form, legal field.*

Об авторе:

АЛИЕВ Джомарт Фазылович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Методов и технологий современной пропаганды и контрпропаганды», первый проректор, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва. E-mail: AlievDF@rgsu.net

Author information:

ALIEV Dzhomart Fazylovich – PhD (Economics), Head of the Department of «Methods and Technologies of modern Propaganda and Counter-propaganda», First Vice-Rector, Russian State Social University, Moscow. E-mail: AlievDF@rgsu.net

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.11.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 10.12.2023.